

The background of the cover is a soft, golden-yellow glow, likely representing a sunset or sunrise. In the center, the dark silhouettes of a man and a woman are visible, embracing. The air is filled with numerous small, white, petal-like particles that appear to be falling or floating around the couple, creating a romantic and ethereal atmosphere.

Алина Кроткая

СЕРДЦЕЛОМ

Новеллы и стихи

Алина Кроткая Сердцелом (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8720822

ISBN 978-5-4474-0379-9

Аннотация

Сердцелом

Что делать, если ваше сердце сломалось? Ответ прост: положить в коробку и сдать в утилизацию. Взамен вы получите денежную компенсацию и полную свободу от чувств и эмоций. Сможете ли вы жить в таком стерильном мире?

Заменитель сахара

Хотели бы вы, чтобы любимые люди всегда были рядом? Даже если они бросят вас или умрут? Даже если они не подозревают о вашем существовании? Даже если они... ненастоящие? Готовы ли вы променять реальность на иллюзорное счастье?

Содержание

Сердцелом	5
Пролог	5
1	6
2	9
3	17
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сердцелом
Новеллы и стихи
Алина Кроткая

© Алина Кроткая, 2014

© Алина Кроткая, дизайн обложки, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Сердцелом

*Посвящается Дементову Роману, без которого
не родилось бы слово «Сердцелом»*

Пролог

Я бережно промываю его. Холодное, скользкое и мёртвое. Помню, в детстве я хоронила котёнка. Мне было 11, и его загрызли крысы... Он только-только тогда открыл глаза. Мы жили в деревне, бабушка не церемонилась с кошками, отправляла их тела в мусорную яму. Его я ей не отдала. Не для этого я выкармливала этого малыша из соски. Помню, как я взяла лопату и кусок белого миткаля. А потом, с детским усердием, выкапывала ямку, чтобы положить туда небольшой комочек: белый, с красными разводами от крови.

Теперь я держу на ладони такой же важный для меня, и такой же холодный предмет. Только сейчас это не труп котёнка: я держу собственное сердце.

1

На дворе стоит апрель. Мой самый любимый месяц в году. Все 300 с лишним дней я ждала только его. Воздух в это время начинает пахнуть весной, солнце рано встаёт, утро снова похоже на утро, а не на склеп. Снова хочется жить, кричать, петь, гулять и наслаждаться. Радоваться освобождению весны из плена! ...Сегодня 1 апреля: серое небо, сугробы и мрачные ветви. Сегодня чуда не произошло. И сегодня я прячу под плащом небольшую коробочку.

Я всегда гордилась своей эмоциональностью и слишком остро реагировала на события. Я никогда не любила полутон: если радоваться, то без остановки, если огорчаться, то так ...что моё сердце сломалось. Я стала всего лишь огромной капсулой жира и мышц, гробом из кожи для маленького комочка. И теперь я несла его в «Сердцелом». Никогда не думала, что однажды окажусь в этих 5% из 100. В 5% «сломанных». Я не подозревала, что переступлю порог этого белого здания.

«Сердцелом» многих пугал, от него шарахались, о нём перешёптывались. Но в его существовании, конечно же, был смысл. Ведь из сотни сломанных сердец можно было сделать одно живое. Спасти хоть одного умирающего человека. Это как металлолом, куда люди раньше приносили кучи ненужного материала, который потом переплавляли в вос-

требуемое изделие. Также и здесь: специализированный пункт по приёму сломанных сердец, люди с коробочками, денежная компенсация. Только плюс к этому ещё и отсутствие эмоций. Ни любви, ни тоски, ни боли. Человек, у которого сломалось сердце, больше никогда ничего не почувствует. Как правило, эти люди не умеют улыбаться, плакать, бояться и любить. Они становятся идеальными. Эмоции не мешают им жить. У них остаётся ум. Трезвый и расчётливый. Они обретают возможность безукоризненно выполнять работу и ни на что не отвлекаться. Никаких глупых влюблённостей, адреналина, безумств. Самое страшное, что я стала теперь одной из них. Скоро последняя связь с сердцем разорвётся, и оно окоченеет.

Поломка сердца считается редкой болезнью. Но она всё же стала частью нашего общества. Сердце останавливается только после сильной встряски. И никто не может предугадать, когда это случится. Ни один врач не в состоянии выписать витамины для профилактики. Раньше, если человек не мог справиться с бедой, его мозг отказывался работать и объявлял забастовку. Теперь всё стало прагматичнее: в наше время останавливается сердце. Не остаётся ничего, кроме как вытащить его, промыть, положить в коробочку и отнести в утилизацию.

А вот и оно – высокое белое здание. Я прижимаю коробочку сильнее и ещё медленнее иду по коридору. В регистратуре мне дают бланки, ручку и время для заполнения. Фамилия,

имя, возраст, дата поломки, причина. После заполнения меня провожают наверх. В кабинет «Исповеди». Так его зовут в народе. В нём мне предстояло задержаться на несколько часов, чтобы рассказать о причине поломки. В мельчайших деталях. Сотрудники «Сердцелома» безжалостно всё фиксируют. А затем дают удостоверение об утилизации.

Я поставила коробку на специальный поднос. Больше она мне не принадлежала.

– Здравствуйте, Алина. Вы, наверное, сейчас странно себя ощущаете. Это пройдёт. Связь с сердцем оборвётся в течение суток. Вы перестанете вообще что-либо чувствовать. А пока в вас не умерли эмоции, я хочу понять, как это случилось. Что произошло? Почему ваше сердце не выдержало?

Она достала бланк истории поломки и приготовила ручку.

2

– Друзья часто смеялись, что мы задушим друг друга в эмоциях. Мы оба были ненормальными, пытались жить спонтанно, сиюминутно, здесь и сейчас. Наслаждались каждым днём. Я даже сделала себе татуировку *Carpe diem* на спине. А он обожал шокировать, эпатировать и удивлять народ. Любил скорость, адреналин, смех и безумия. Точно так же, как и я.

Когда мы начали встречаться, я приходила домой и... плакала. Я рыдала в захлѐб от счастья, так как не могла поверить, что это ОН меня только что целовал, что это ЕГО губы вели точный отсѐт от шеи к плечу. У нас была такая игра: перед тем, как попрощаться, он говорил шѐпотом: «Давай посчитаем?», – я не успевала ответить, как его руки уже аккуратно отодвигали воротник платья и убирали мои волосы. Затем он прикасался губами к шее, чуть ниже мочки уха, и очень медленно и нежно целовал. Я выдыхала: «Раз». Он опускался на сантиметр ниже и повторял то же действие под тихое: «Два». На цифре «пять» моѐ дыхание начинало прерываться, а голос становился хриплым. На цифре «восемь» плечо заканчивалось. Восемь самых сладких цифр. Восемь... А потом я приходила домой и плакала от счастья.

В ту пору я писала стихи в невероятном количестве. Казалось, 20 лет до этого я просто молчала, и теперь всё, что я

так хотела сказать, выливалось на бумагу. Он делал со мной что-то странное. Дарил эмоции, которые переполняли и разрушали меня. Мне нужен был выход, выброс, выплеск. Я выплёвывала слова на бумагу, лихорадочно записывала аритмичные строки, бредила ими. Однажды мне приснилось, как я пишу стихи на его обнажённом теле, вывожу букву за буквой, всё сильнее нажимая ручкой на его кожу. Я писала витиеватые строчки, чертила руны и целовала эти символы. Фантазия захватила меня полностью. Тогда же я написала стихотворение под названием «Мне снилось, что я писала стихи», а несколько следующих ночей не могла уснуть. Когда мы встретились, я попросила его снять футболку, взяла ручку и на спине стала рисовать те самые буквы, то стихотворение. С тех пор это превратилось в традицию. Плечи, спина, руки, грудь – всё покрывалось моими новыми строчками.

Я прибегала к нему на работу в разгар дня, потому что мне нужно было сказать ему несколько фраз. Важных-важных фраз. Ради этого я ехала сначала в метро, потом в электричке, а затем и в маршрутке. Чтобы, задыхаясь, влететь в размеренно-чопорный офис, в своих ярко-розовых или пронзительно-синих колготках, с копной рыжих волос на голове и в безумных юбках; ворваться в его программы и коды, закатать до локтя рубашку и размашисто написать «я так скучала по тебе». Потом чуть укусить его за нижнюю губу, опустить рукав обратно и побежать на все свои бесконечные съёмки, монтажи и планёрки, а он оставался в скучном

офисе. Этот парень был программистом, разрабатывал новые проекты для ведущих компаний. Я поражалась, как он – сгусток позитива и безумия, днями напролёт пишет непонятные закорючки и унылые коды? Как этот удивительный человек выбрал себе такую скучную профессию? Пожалуй, это была единственная область, в которой он был предсказуем и последователен.

Помню, как я начитывала на диктофон свой любимый отрывок из «Маленького принца», тот самый про «приручить». Я проговорила этот кусочек, записала на диск и подарила ему, потому что однажды он сказал: «У тебя очень красивый голос, я хотел бы под него засыпать каждый вечер». Помню, как я покупала белую гвоздику и зелёную гуашь, а потом старательно красила цветок целый вечер, ведь ему нравился Оскар Уальд, который носил в петлице зелёную гвоздику – признак оригинальности. Помню, как рисовала ему по-детски наивные открытки, вырезая фотографии, буквы из журналов, наклеивая на бумагу какие-то дорогие мне обломки. А ещё он обожал мою коллекцию безумных разноцветных колготок и шарфов, ногти невероятных оттенков и вызывающие платья. Часто смеялся, называл меня клубком эмоций и говорил: «Ты безумна, нестандартна, заражаешь всех вокруг своей неугомонностью».

Помню, как часто я давала ему ручку, снимала блузку и просила что-нибудь нарисовать на мне. Он старательно выводил во всю спину ангельские крылья. Правда, никогда

ему не удавалось дорисовать до конца... Каждый штрих я воспринимала, как царапину ножом: резкую, чёткую, захватывающую дыхание и возбуждающую. От каждой чёрточки у меня пересыхало в горле, а лёгкие будто вскрывали бритвой. Разводы от ручки потом часто оставались на простынях...

Моей самой большой эротической фантазией стали краски. Я часто представляла, как стою перед ним обнажённая. Он медленно рисует на мне что-то, касаясь разных мест, засовывает в краску пальцы и потом проводит ими по мне. Это так и осталось моей фантазией...

Летом мы долго гуляли по городу. Десятки километров, сотни переулков и тысячи шагов. Мы приходили домой, у меня безумно болели ноги. Они были чёрными от дорожной грязи, ведь оставшиеся несколько километров я шла босиком. Тогда он нёс меня в ванную, наполнял таз горячей водой, вставал на колени и бережно мыл мне ноги... Аккуратно наливал на мочалку гель, и ласково касался ею стоп. Затем он вытирал их и надевал свои белые носки. Почему-то, в белых, подвернутых носочках, я казалась ему невероятно сексуальной.

Каждый день он писал мне безумно красивые смс. Они были как японские хокку. Каждый вечер я бережно переписывала их в блокнот. Я боялась, что потеряю телефон, и их вместе с ним.

Вот этот блокнот, в отдел вещественных доказательств, –

я протянула ей маленький чёрный прямоугольник.

– Помню, как однажды мы целовались прямо посреди шумной трассы, стоя на двойной сплошной. В холодный зимний день. Слушали вместе плеер и шурились от солнца. Вокруг быстро летели машины, летели проклятия водителей, летел к чёрту весь мир под моими ногами. Был только этот адреналин и его губы. Мне тогда казалось, что если нас собьёт машина, то я умру в одну из самых счастливых минут. Мы хотели повторить этот трюк летом, босиком, под дождём, слушая песню «Slave to love»... К сожалению, этим летом я уже ничего не почувствую.

Он был очень странным человеком. Вот он, безумный в своих романтических порывах, готовый целоваться на обломке моста, неожиданно появляться, резко исчезать, смеяться, щекотать, удивлять. А вот он, до безобразия рациональный и сухой. Бывали дни, когда он был невероятно чёрств и равнодушен. Я прибегала к нему домой и чувствовала себя лишним предметом интерьера. Он на меня никак не реагировал. Вообще. Мне казалось, что если я станцую «Ламбаду» на столе абсолютно голая, он даже не поднимет глаз. Я подходила к нему, обнимала за шею. Кусала за мочку уха, целовала, а он сидел, как мраморный, и писал свои чёртовые программы. Я спрашивала: «Что случилось?», – а он отвечал, – «Всё хорошо, ты просто придумываешь». Бывали дни, когда мы сидели в полном молчании, в разных концах комнаты – он за компьютером, я за ноутбуком. Он не ронял

ни слова. Мне это надоедало, я раздевалась догола и растягивалась на покрывале, насвистывая какую-нибудь песенку и небрежно стуча по клавиатуре, а он просто оборачивался на меня, не мигая, смотрел пару секунд и снова погружался в свой компьютер. Он никак не комментировал такие дни. А ночи... Холодные, страшные и чужие... Когда он лежал рядом, на расстоянии вытянутой руки, и никак не реагировал на меня. Я пыталась его обнять, а он скидывал руки и ровно говорил, что ему так неудобно. Я пыталась поцеловать его, а он просто отворачивался. Он засыпал, и я плакала... Просто лежала и грызла зубами подушку. Он часто слышал мои всхлипы. Иногда, сквозь зубы, цедил: «Ну, вот опять что-то себе придумала. Спи уже», – и отворачивался. Сколько раз тогда я давала себе слово, что утром же соберу свои вещи, и всё... И не будет больше в моей жизни всех этих страшных ночей. А на следующий день он опять становился прежним... Как будто ничего не было. Как будто я всё выдумала.

А ещё помню: год назад, июль, +40. До дрожи тёплые ночи. Озеро. Такое огромное, что я называла его морем. Чёрное – чёрное в ночи. Оно было вокруг. У него не было краёв, оно не знало конца. На самой мы стояли вдвоём, он держал меня на руках, смеющуюся, удивлённую, восторженную. Я говорила: «Смотри, какое небо! Ты только посмотри!» Я рассказывала ему о поэзии, гениях и литературных вечерах. Читала ему стихи прямо на середине этого озера. Он пони-

мал. Он слушал. Ему был интересен весь этот бред и всё это ночное безумие. Мы ездили туда на мото-слёт. Сколько километров я проехала вместе с ним! Столько дорог, закатов, рассветов, водохранилищ и огней Москвы я видела из-за его спины и наклонённой головы в шлеме... Новый мир. Волшебный. Непостижимый. Целая жизнь в одно лето, со сладким запахом асфальта.

Он был заражён дорогой и скоростью, открыт для новых встреч, друзей и приключений. Он настолько позитивный и жизнерадостный, что заражал всё вокруг этим теплом. Его звали камикадзе, ненормальным и психом. Только он мог лететь по «Ленинградке» со скоростью 300 км в час, а то и больше. Ничего не боялся. Казалось, ничто не может нарушить его спокойствия. Он влюбил меня в мотоциклы, подсадил на этот наркотик. Жизнь без скорости – стала не жизнью. Утро без рассвета на мото – не утром. Мы слыли сумасшедшей парочкой: безбашенный гонщик со своей ненормальной рыжей девицей. Это было круто. А потом, утром, после ночи «покатушек», он шёл в свой офис, надевал серый пиджак и отрешённо писал программы. Удивительный человек.

– И что же могло случиться? Почему остановилось ваше сердце? – недоумённо спросила психолог. – Он умер? – понизила она голос.

– Нет. Он жив. Прекрасно себя чувствует. Просто однажды я пришла к нему, мы в тот день как раз собирались исследовать ещё одну крышу, с которой открывался сумасшед-

ший вид, и... Я влетела в его комнату, обняла за шею, а он... Он спокойно отстранил меня и ровно сказал:

– Тебе ещё не надоело, а? Всё. Хватит. Мне наскучил этот эксперимент.

– Эксперимент? Какой ещё эксперимент?», – спросила я.

– Этот. С поцелуйчиками, киношными выходками и прочим бредом. Успокойся уже, наконец, а?

Это говорил человек, который две недели назад целовал меня на крыше самого высокого здания в Москве. Человек, которому я доверила больше, чем Богу и всем своим Рунам. Человек, который столько раз держал меня над пропастью, в прямом смысле слова. Да, что там, – махнула рукой. – Я всё уже рассказала. Он был абсолютно спокоен. Невозмутим. Стоял, глядя мне прямо в глаза. Я подошла к нему, вымученно улыбнулась, обняла и сказала: «Ты же шутишь, правда? Это твой очередной розыгрыш?» – погладила его по щеке. Он резко схватил меня за руку, больно отвёл её назад и сказал, чеканя каждое слово: «Я же сказал Х-в-а-т-и-т. Ты понимаешь слова? Иди домой. Всё это был цирк. Эксперимент. Спасибо за участие. Ты свободна. Мне надоело».

3

– Назовите имя этого мужчины. Он потенциально опасен для общества. Мы должны внести его в базу данных.

– Его зовут... Н. Ж. (ЭнЖэ), – выдохнула я, – этого человека зовут Н. Ж.

Женщина молчала. Она недоумённо смотрела на меня. В её взгляде читались удивление и разочарование.

– Н. Ж.? – переспросила она.

Я кивнула, сглотнув огромный ком в горле.

– Но у него нет сердца! – уверенно воскликнула дама. – Его сердце сломалось ещё три года назад. Мы его уже переработали, – добавила она тихо.

Я молчала. Это какая-то шутка! Она зачем-то играет со мной. Это часть эксперимента? Так нужно? Ведь я своими ушами слышала, как громко бьётся сердце у него в груди!

– Это какое-то недоразумение. Мы говорим о разных людях.

– Нет, мы говорим об одном и том же человеке. Простите, мне очень жаль. Я не понимаю, как такое могло случиться. Придётся поднять старые бумаги. Мне нужна ваша помощь.

Больше она не сказала ни слова. Я тоже. Я всё ещё думала, что это просто ошибка. Мы шли по пустым коридорам, они были выкрашены блёклой серой краской, как и стены моего сегодняшнего мира. Затем мы спустились в подвал и подо-

шли к массивной железной двери.

– Добрый день, – сказала она в открывшееся окошечко. – Мне нужны данные на Н. Ж. Номер 6557822. Полное личное дело, пожалуйста.

– ...И потом она умерла. Его сердце сначала стало отста-
вать, потом тикать всё медленнее, а однажды он обнаружил,
что больше не грустит. Ему стало всё равно, что Её нет ря-
дом. Он делал повседневную работу, машинально общался
с людьми, и ничего не чувствовал. Ни боли, ни утраты, ни
любви. Сердце помогло ему. Оно просто перестало стучать.
Прекратило качать кровь. Это один из редких случаев, когда
остановка пошла во благо.

Он принёс его уже совсем холодным и окоченевшим. С та-
ким же окоченевшим выражением лица. Бесстрастно расска-
зал всю историю. В деталях.

Он говорил о её русых волосах, о том, как она накручи-
вала пряди на пальцы, когда что-то рассказывала. Он вспо-
минал, как она приподнимала уголок рта, когда была заин-
тересована: с подробностями говорил обо всех деталях. Он
произносил её имя с отрешённым выражением глаз. Полина.
Её звали Полина. Нелепая смерть. Она лежала прямо у него
на руках. Точнее, то, что теперь смутно напоминало её...
Он, с хирургической точностью, рассказал обо всех мета-
морфозах её тела. Описал каждую лужу крови, слизь и ме-
сиво из костей и тряпок. Тогда мы подумали: «Как же ему
повезло, что сердце перестало работать. Как же ему повез-
ло!». У этого человека в груди была огромная дыра. И это

тот случай, когда сказанное – не метафора. Вот его рентген.
Смотрите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.